

Казус Бени Крика*

Эту почти детективную историю невозможно было бы выдумать — так много сплелось в ней имен, знаковых не только для Одессы, но и, не побоюсь высокопарных слов, для всей мировой культуры. Я услышал ее начало от двух известных в нашем городе людей — лучшего краеведа и лучшего искусствоведа. Почему сразу от двух — все очень просто. На одном из вечерних застолий они, как обычно, разговаривали о знаменитых одесситах и всяких одесских делах, я подсел к ним и, услышав несколько интригующих фраз, слово за словом вытянул из них эту историю. Она звучала настолько фантастично, что сначала я даже не поверил в ее правдивость. И только спустя несколько недель подробных расспросов, на которые мне очень скупо и нехотя отвечали, а потом и после самостоятельного изучения множества архивных и исторических материалов я убедился, что мои собеседники ни на йоту не отступили от правды. Как я выяснил позже, они являлись практически единственными носителями этой информации, никогда раньше она не была опубликована и даже записана. И так как возраст обоих рассказчиков уже можно назвать почтенным, я решил записать ее поскорее, чтобы она сохранилась для наших с вами потомков и не канула в Лету, как многие из славных историй прошлого, которые некому было записать...

Итак, дело было в Одессе в конце XIX века... Великий русский художник Илья Ефимович Репин прибыл в наш славный город вместе с молодым Валентином Серовым, который тогда еще только формировался как художник и совсем недавно начал обучение у Репина. Но конечным пунктом назначения этого любопытного дуэта был отнюдь не наш пропахший морем и проявленный бычками черноморский город. Берите выше — они следовали в Палестину. Одесса как крупнейший портовый город Российской империи на Черном море была главной перевалочной базой на пути следования к Земле обетованной. Как пишут многочисленные биографы Ильи Ефимовича, основной целью поездки было посещение святых для каждого христианина мест и работа над натурными этюдами к новой большой картине. Что же еще писать биографам, которым не посчастливилось проникнуть вглубь событий и докопаться до самой сути происшедшего?

На самом деле все было совершенно иначе. В это время в мире шири-

---

* Фантазмагория.

лось и крепло движение, которое немного позже назовут сионистским, — движение евреев за возвращение на историческую родину. Преследования среди российских евреев усиливались, что вызвало подъем их национального чувства. В 1881 г. в России стали создаваться кружки "Ховевей Цион" (палестинофилов); к концу года их было уже около 30. Первые поселенцы начали перебираться в Палестину, осваивая пустыни и болота — те небольшие участки, которые удалось купить на деньги богатых еврейских семей, в первую очередь, Ротшильдов. Это была так называемая "первая алия", начало которой положили члены еще одного палестинофильского общества, "Билу". Первые кружки "Ховевей Цион" появились в Харькове, и именно из Харьковской губернии был родом Илья Ефимович Репин.

Еврейские общины по всей Европе собирали деньги, чтобы покупать новые земли для первопроходцев и помогать им обустраиваться на них. Российские общины не стали исключением. За несколько лет стараниями активистов была собрана довольно внушительная сумма наличными и золотом. Но это была только часть задачи. Теперь нужно было переправить собранные сокровища в Палестину. Для этого требовался надежный человек, известный и уважаемый в обществе, наличие большой суммы денег у которого не вызовет ни у кого вопросов, а цель поездки в Священную землю — подозрений. В результате совпадения множества обстоятельств, именуемых невежественными людьми судьбой, таковым оказался Илья Ефимович Репин. Он как раз начал работу над малоизвестной картиной "Иди за мною, сатано, или Искушение Христа", о которой я расскажу немного позже. Всем хорошо была известна привычка Ильи Ефимовича делать натурные этюды к тематическим картинам. Это не современные художники, натуру которым заменяет фотоснимок. В общем, причина поездки была более чем убедительной. Деньги были аккуратно сложены в портмоне, золото — в саквояж. Но одного мэтра с такой суммой старейшины отпустить не могли. Путь неблизкий, места беспокойные, саквояж тяжелый — в общем, нужен был молодой помощник. Им стал Валентин Серов.

Мы с вами знаем Валентина Александровича Серова как великого живописца, работы его хранятся в Третьяковской галерее и множестве других знаменитых музеев. А в описываемые времена он только начинал свой путь в живописи. Мать Валентина, известная пианистка Валентина Семеновна Серова, после смерти мужа жила в Европе, отдавая все силы музыке, и на сына времени у нее не оставалось. Валентин рос стеснительным и замкнутым ребенком. Когда ему было девять, мать привела Валентина к Репину, жившему тогда в Париже. Илья Ефимович заметил талант

мальчика, привязался к нему, и позже Валентин приехал к Репину в Москву продолжать обучение. Серов жил у Репина почти на правах члена семьи, сопровождая его во всевозможных поездках на этюды, а в остальное время рисуя с гипсов, с натуры и копируя репинские холсты. Поэтому решение Репина взять с собой в Палестину Серова было естественным. Еврейская община одобрила выбор, ведь отец Серова Александр Николаевич был внуком крещеного еврея, сенатора и естествоиспытателя К.Л. Габлица, а девичья фамилия матери — Бергман, родом она была из немецко-еврейской семьи. Знала бы Валентина Семеновна, с какой целью ее сын отправляется в такое далекое путешествие!

Вы спросите — а почему Репин согласился участвовать в таком серьезном и даже небезопасном деле? История об этом умалчивает, но, поразмыслив немного, можно найти причину. Илья Ефимович был богатым человеком. Много вы знаете богатых художников? Единицы. А он был. Значит, был практичным, экономным, знал деньгам цену и счет. Не подлежит сомнению, что такое сложное задание хорошо оплачивалось. Вот и причина. Что касается юного спутника, он взялся за дело с удовольствием — еще бы, такое приключение! Для пушей убедительности решено было взять мольберты, холсты, побольше красок. Валентин выступал учеником мэтра, юным подмастерьем, подающим надежды будущим художником. На пароходе он должен был ходить с кистями и палитрой и переставлять с места на место мольберт, изображая муки творчества. Помните художников Бендера и Воробьянинова на пароходе?

Итак, наши герои сели на поезд в Санкт-Петербурге и вышли из него на одесском вокзале. Багажа у них было предостаточно — громоздкие мольберты, коробки с красками, чемоданы с вещами. К вагону подъехали грузчики, грохоча тележками и зазывая пассажиров воспользоваться их услугами, погода стояла расчудеснейшая, а по перрону прогуливались прекрасные дамы в белых кружевных платьях, укрываясь от палящего солнца под изящными зонтами. Илья Ефимович отправил юного Валентина на перрон смотреть за вещами, вышел из купе, а когда вернулся, саквояжа с портмоне уже не было... На перроне стоял Серов, мечтательно глядящий вдаль, мольберты и краски были погружены на тележку, грузчик услужливо ждал, а самого главного не было. Воображение дорисует нам последовавшую за этим суету, свистки жандармов, показания в участке и все такое прочее. Как писал "Одесский листок" от 14 июня 1898 года, "...у Репина в купе украли большую сумму денег и саквояж".

Оставим ненадолго пострадавших художников в полицейском участке

и совершим короткий экскурс в историю Одессы. Одним из самых ярких городских персонажей той поры был широко (я бы даже сказал — всемирно) известный сейчас Бенцион Менделевич Крик. Тот самый Бенья, который был "налетчиком и королем налетчиков". Любопытные факты его биографии нашел и описал Исаак Эммануилович Бабель. А я цитирую их уже в пересказе того самого краеведа, речь о котором велась в начале: "Когда Бенья кнутом и пряником уговорил старика Эйхбаума выдать за него дочь, то, как было сказано у Бабеля, "свадьбу Бени сыграли вдаль от Одессы. Первые три месяца новобрачные прожили в тучной Бессарабии, среди винограда и любовного пота. Потом Бенья вернулся в Одессу и сделался честным человеком, за ним осталось только верховное наблюдение над нравами и обычаями корпорации". Автор, то есть Бабель, не объясняет, почему эта свадьба не отгремела по первому разряду в Одессе, но можно предположить, что богач Эйхбаум не хотел афишировать брак своей дочери с налетчиком, пусть даже он был Королем. Потом Бенья вернулся в Одессу, для того чтобы выдать замуж свою сестру Двойру, страдающую базедовой болезнью".

Бабель не объяснил, почему влюбленные молодожены укатили в Бессарабию, видимо, потому, что слишком свежи еще были воспоминания о деле Репина. Не кто иной, как Бенья Крик и его банда, "держали" тогда вокзал, и саквояж с "еврейскими" деньгами приплыл прямехонько ему в руки на "хазу", что находилась в доме номер 23 по улице Госпитальной, ныне Богдана Хмельницкого. Наши художники, провалив задание и оставшись в южной столице практически без средств к существованию, вынуждены были поселиться в усадьбе замечательного художника Николая Дмитриевича Кузнецова. Репин, который был уже знаком с Кузнецовым, представил ему своего юного ученика. Радужный хозяин предложил вместе поработать на этюдах и выказал живейший интерес к творчеству начинающего художника. Искушенные искусствоведы смогут даже перечислить названия серовских этюдов той поры. Можем и мы — именно в имении Кузнецова написал он одну из своих первых известных маленьких картин "Волы". Южное солнце и природа вдохновляли молодого автора. Кто знает, может быть, именно благодаря им появилась яркая, во многом импрессионистическая манера его живописи.

Говорят, что случайность — это непознанная закономерность. Причинно-следственные связи пронизывают наше прошлое, настоящее и будущее. И какое же наслаждение — ухватившись за небольшую и не совсем понятную на первый взгляд деталь, шаг за шагом приоткрывать завесу тайны, и в конце концов, восстановить подлинную картину. Ведь реальность — это не то, что мы видим, а то, что нам показывают и хотят, чтобы мы увидели.

Валентин Серов неоднократно бывал потом в Одессе, сдружился с Кузнецовым, и привлекали его в наши края дела не только художественные, но и личные, — он приезжал к своей невесте Ольге Федоровне Трубниковой, которая поправляла свое здоровье у моря. Они создадут крепкую семью, Ольга Федоровна родит Серову шестерых детей.

Илья Ефимович очень переживал ситуацию с кражей денег. Он понимал, что вернуться в столицу просто так он не сможет, что с него спросят за пропажу. Нужно было что-то предпринимать. Но что именно, и как вести поиски, он не понимал. Оставалось одно — пересидеть, переждать, в надежде на то, что решение найдется. И он с головой уходит в работу. Именно в кузнецовском имении начинает он своих знаменитых "Казачков, пишущих письмо турецкому султану". Делает наброски, эскизы, подбирает модели. В результате в образе высокого казака с повязкой на голове изображен не кто иной, как сам Кузнецов. Художники очень сдружились за это время. "Одесские новости" от 25.V.1900 года в заметке о Кузнецове писали: "...Н. Д. на своем веку видел, конечно, много художников, но лучшими своими друзьями он считает Репина, Васнецова и Поленова. Репин написал несколько портретов Кузнецова и пользовался им для своей картины "Запорожцы". Васнецов же писал с него для своих картин из каменного века богатырей".

Сам Николай Дмитриевич Кузнецов после завершения преподавательской деятельности в петербургской Академии художеств строит картинную галерею и мастерскую. В 1900 году галерея открыта. В ее собрании, разумеется, были картины Ильи Репина и Валентина Серова, а еще Ивана Крамского, Василия Васнецова, известных французских художников. Эта галерея сыграла значительную роль в определении творческих взглядов одесских живописцев. В том же 1900 году, по представлению Репина, Кузнецов был избран действительным членом Академии художеств. Его мастерская была своеобразным центром, где бывали не только местные художники, но и те же Репин с Серовым, В.Д. Поленов, М.А. Врубель, Ф.И. Шаляпин, П.К. Саксаганский и многие другие выдающиеся деятели культуры.

Прав был гениальный Бабель, когда писал, что все дело в налете! Каким катализатором для развития искусства послужил украденный саквояж!

Но вернемся к истории. Пока наши художники бродили с мольбертами по полям и лугам Одесщины, события развивались стремительно. Разумеется, полиция не нашла следов украденных денег. Бенья же Крик, сразу смекнув, какое сокровище приплыло ему в руки, тут же понял и то, что очень скоро его начнут искать, причем очень серьезные люди. Надо было быстро "де-

лать ноги" из города и куда-то пристраивать украденное. Поэтому свадьбу сыграли "вдали от Одессы... в тучной Бессарабии, среди винограда...". А совсем скоро появилось знаменитое Криковское вино, и бессарабский городок Вадул-Петрей превращается в Криково... Недурное вложение капитала, не правда ли? Конечно, теперь можно возвратиться в Одессу "честным человеком" и "наблюдать над нравами и обычаями корпорации". Можно, не опасаясь полиции, играть пышную свадьбу сестры Двойры и невозмутимо прогуливаться возле горящего полицейского участка.

Почти все одесситы пробовали продукцию "Крикова". А вот догадался ли кто-то о лежащем на поверхности происхождении его названия? На комбинате хорошо помнят и чтят человека, благодаря которому имя их основателя вошло в историю. И не просто помнят — свидетельство № 812 выдано Всемирным клубом одесситов коллективу Винкомбината "Крикова" в подтверждение того, что он оказал материальную поддержку благородному делу сооружения в Одессе памятника писателю Исааку Эммануиловичу Бабелю. А реестр граждан и организаций, пожертвовавших средства на создание памятника, Государственный архив Одесской области примет на вечное государственное хранение. Так будет увековечена эта странная история...

На этом можно было бы закончить исследования. На этом заканчивался рассказ моих опытейших собеседников. Но я не был удовлетворен, чувствуя, что клубок размотан не до конца, и продолжал свои поиски. Сидел в архивах и библиотеках. Мне не давала покоя мысль о палестинских поселенцах, оставшихся без денег. Ну, не мог я поверить в то, что Илья Ефимович и Валентин Александрович отделались простыми объяснениями и полицейскими протоколами. Зная, что еврейская община очень сильна, настойчива и имеет широчайшие связи и влияние, я понимал, что рано или поздно они должны были получить от художников свои деньги. Нужно было только понять, как это могло произойти, а потом найти доказательства.

Я рассматривал и отбрасывал версию за версией. Одни при ближайшем рассмотрении выявлялись нереальными, другие чересчур сложными. И однажды, просидев целый вечер в мастерской знакомого художника и обсудив с ним множество интересующих нас обоих тем — от политики до цен на современную живопись, — меня осенило.

Невероятная скупость художников известна всем, кто имеет опыт общения с ними. Они гораздо охотнее расстаются со своими произведениями, нежели с деньгами. Я предположил, что эта профессиональная черта

была присуща художникам и сто лет назад. В этом направлении и сосредоточил свои усилия. Наиболее реальной представлялась версия, что оба мастера, в конце концов, отдадут для закрытия долга свои работы, которые весьма высоко ценились, и которые можно было выгодно продать, полностью компенсировав украденную сумму. Наименьшие подозрения вызовут чьи-то портреты, особенно портреты хороших знакомых. Но передать работы они должны были не напрямую, а через посредников. Самое главное — в конце концов, картины или деньги, вырученные от их продажи, должны были оказаться в Израиле. Забегая вперед, скажу, что мои догадки подтвердились. Какое наслаждение я испытал, когда разбросанные среди огромного массива информации факты начали складываться в логическую цепочку! Но расскажу обо всем по порядку.

Безусловно, Илья Ефимович нес ответственность в гораздо большей степени, нежели юный Валентин Александрович. С него я и начал поиски. С него и его знакомых, которые могли иметь связь с молодым еврейским государством и его основателями. Как известно, последние тридцать лет своей жизни Репин прожил в Финляндии, в курортном городке Куоккала, и поселился он там вскоре после происшествия в Одессе. В Куоккале он написал множество работ, в том числе портретов. Я стал искать тех, кто был, с одной стороны, близко знаком с Репиным, а с другой стороны, мог иметь связи с лидерами зарождающегося еврейского государства. Подходящая кандидатура нашлась довольно быстро. Всем известно, что одним из самых близких друзей и соседом Репина по Куоккале был Корней Иванович Чуковский. Казалось бы, ну и что? А вот что.

В последнее время стали широко известны те детали биографии Корнея Ивановича, которые долго и тщательно замалчивались всю советскую эпоху. Да и сам Чуковский был мастером мистификаций. Став петербургским журналистом, он постарался скорее забыть свое одесское прошлое (20 лет жизни!) и стать в сознании своих многочисленных читателей чистым и беспримесным "петербуржцем". Об отце, бросившем мать с двумя детьми и от брака с нею уклонившемся, предпочитал не упоминать, вычеркнул его из своей жизни. В юности он сам смастерил себе имя и фамилию: из Николая Корнейчукова стал Корнеем Чуковским. Его родная сестра Маруся звалась по документам Марией Эммануиловной, Чуковский же выбрал себе нейтральное русское отчество — Иванович. А что уж совсем непонятно — так это его волшебное превращение из никому не известного доморощенного философа, босяка, недоросля, вышибленного из гимназии, в талантливого критика, чьих статей и выступлений с нетерпением

ждали и читатели "Одесских новостей", и члены одесского Литературно-артистического клуба...

Сейчас мы уже знаем имя отца Чуковского — Эммануил Соломонович Левенсон, иудейского вероисповедания, сын врача, получившего в Одессе звание потомственного почетного гражданина. Но гораздо интереснее имя того, кто ввел юного Нику Корнейчукова в мир журналистики.

В статье "Как я стал писателем" Чуковский без указания имени своего доброго гения рассказывает об этом так: "...моей философией заинтересовался один из моих школьных товарищей, он был так добр, что пришел ко мне на чердак, и я ему первому прочитал несколько глав из этой своей сумасшедшей книги... Он слушал, слушал и, когда я окончил, сказал: "А знаешь ли ты, что вот эту главу можно было бы напечатать в газете?". Это там, где я говорил об искусстве. Он взял ее и отнес в редакцию газеты "Одесские новости" и, к моему восхищению, к моей величайшей радости и гордости, эта статья появилась там..."

Имя этого школьного товарища, которое по цензурным соображениям не мог тогда назвать Чуковский, сейчас расшифровано — Владимир Евгеньевич Жаботинский. Жаботинский не только ввел Чуковского в литературу, он еще устроил ему поездку в Лондон в качестве спецкора "Одесских новостей" и даже выступил поручителем на его свадьбе.

Владимир Жаботинский — личность легендарная. Прекрасный журналист, писатель, он становится после кишиневского еврейского погрома активным деятелем мирового сионистского движения, а попросту — одним из его отцов-основателей. В 1908 году он впервые побывал в Палестине, а уже в 1917 возглавил там первый Еврейский легион. Трудно в Израиле найти город, в котором не было бы улицы Жаботинского.

Вы, как и я, уже догадались — в Израиле оказался портрет Чуковского кисти Репина. Как же это произошло?

Итак, в 1899 году Илья Ефимович поселился в усадьбе "Пенаты" (тогдашний поселок Куоккала называется сейчас Репино). Когда-то это была финская территория, сейчас Ленинградская область. В 1906 году в Куоккалу приезжает Чуковский. "Случайно" в это же время в столице Финляндии Гельсингфорсе (ныне Хельсинки), совсем рядом с Куоккалой, проходила 3-я Всероссийская конференция сионистов (21-27 ноября 1906 г.). В ее работе принимал самое активное участие Владимир Евгеньевич Жаботинский, участие в составлении принятой там Гельсингфорсской программы он считал вершиной своей сионистской деятельности в молодости.

Чуковский задержался в Куоккале надолго — прожил там более десяти лет. Как и Репин, он жил там с семьей круглый год, сначала на съемных дачах, но через некоторое время Репин купил на его имя дачу по соседству с "Пенатами" и даже руководил ее перестройкой. Их знакомство довольно быстро переросло в искреннюю симпатию, а потом в крепкую дружбу, несмотря на то, что Илья Ефимович был старше почти на сорок лет. И хотя в Куоккале перебивало множество знаменитейших людей, портреты которых писал Илья Ефимович, именно портрет Корнея Чуковского представлялся идеальным вариантом возврата долга. И этот портрет не замедлил появиться.

Перенесемся теперь во времени и пространстве и окажемся в Москве, по адресу Тверская, дом 6, где с конца тридцатых годов обитала семья Корнея Чуковского, а сейчас живет его внучка, Елена Цезаревна. В одном из недавних интервью она рассказала о судьбе и приключениях репинского шедевра. Репин написал портрет Чуковского в 1910-м году и, как утверждал Корней Иванович, подарил ему. Но потом художник попросил этот портрет на свою выставку в Италию, и там он был продан — якобы по ошибке — по цене страховки, то есть очень дешево. Дальше, когда Корней Иванович приезжал в 1916-м году в Англию и Францию с делегацией русских журналистов, то этим портретом владели известные коллекционеры Цетлины, жившие тогда в Париже. Они якобы хотели отдать Корнею Ивановичу этот портрет как владельцу, но он его не повез в воюющую Россию. И портрет остался у Цетлиных. Дальше — еще интересней. Через некоторое время Чуковский увидел портрет в окне Торгсина в России. А потом он снова был продан — за 2,5 тысячи долларов, очень серьезные на то время деньги, которые если не полностью, то наверняка в значительной степени уже компенсировали стоимость похищенного в Одессе.

Но на этом приключения портрета отнюдь не заканчиваются. В России он пробыл очень недолго и через некоторое время отыскался — где бы вы думали? — в Израиле. Так как портрет уже выполнил свою "миссию", Корней Иванович захотел вернуть его себе и разыскал его владельца. Владелец приехал к Чуковскому и сказал, что завещает Корнею Ивановичу эту картину. Но ничего из этого не вышло — владелец портрета умер, и портрет поступил на "Сотбис". И там его купил Ростропович за 90 тысяч долларов. Ростропович собирал свою коллекцию как бы для России, но удивительным образом сразу после его смерти было объявлено, что вся коллекция по его же решению распродается на аукционе. "Наш" портрет был оценен уже в 300-500 тысяч фунтов.

Аукцион "Сотбис" не состоялся — всю коллекцию Ростроповича-Вишневецкой за день до начала аукциона купил известный предприниматель Алишер Усманов. При совершении сделки он заявил, что собрание будет передано государству целиком и полностью. Приобретенные ценности, в конце концов, попали в Константиновский дворец под Петербургом, не так давно восстановленный.

Вдумчивому читателю не нужно даже особо концентрироваться, чтобы заметить очевидные несуразности: вроде бы портрет предназначался Чуковскому, но случайно попал на выставку и там случайно продан очень дешево. Слишком много случайностей — ведь Репин был к тому времени художником с мировой славой, и не знать цену его работ устроители выставки не могли. Портрет отработал свое сполна — как минимум дважды вырученные за него деньги попали по назначению. А история его перемещений достойна пера лучших мастеров детективного жанра.

Работы Валентина Серова тоже, в конце концов, оказались в Израиле. И тоже портреты. Всего два портрета, но одного человека — красавицы Марии Самойловны Цетлиной. Да-да, опять Цетлины. Всю жизнь они коллекционировали живопись, а в 1959 году Мария Самойловна привезла в Израиль и подарила молодому еврейскому государству всю коллекцию, более 90 картин, в том числе свой знаменитый серовский портрет. В тот момент в Израиле почти не было художественных музеев. На основе коллекции Цетлиных создан Музей русского искусства в Рамат-Гане.

Я узнал много интересного об этой знаменитой семье и хочу с вами поделиться. Михаил Осипович Цетлин был внуком Зева Высоцкого — основателя известной фирмы "Чай Высоцкого". Высоцкий был филантропом и сторонником движения "Ховевей Цион" — того самого.

Михаил Осипович писал стихи, но широко известен он как редактор и издатель. В Москве он организует издательство "Зерна", в Нью-Йорке основывает "Новый журнал". Кстати, Цетлины и Жаботинский жили в Париже в одно время. Владимир Евгеньевич с 1924 по 1934 год издавал еженедельник "Рассвет", Михаил Осипович был основателем и первым редактором литературного журнала "Окно" (1923-1924) и редактором отдела поэзии в журнале "Современные записки" (1920-1940). Мария Самойловна всю жизнь занималась активной общественной и благотворительной деятельностью. В Нью-Йорке и Париже она занималась журнальными делами, была членом правления Литературного фонда, субсидировала издание всевозможных сборников поэтов.

В коллекции Цетлиных было восемь портретов Марии Самойловны кисти шести знаменитых художников. В первую очередь, конечно, это два портрета кисти Валентина Серова. Писали ее Бакст, Малявин и даже Диего Ривера.

О "главном" портрете Марии Самойловны Цетлиной есть упоминания в разных источниках, но даже многие писавшие о нем, как правило, его не видели, ибо в России он никогда не был, да и на Западе выставлялся редко. Как мы теперь понимаем, — неудивительно. Он изначально предназначался совсем для других целей.

Вот такие вот дела. Никаких других работ Ильи Ефимовича Репина и Валентина Александровича Серова в израильских музеях нет. Да и вообще, первый художественный музей в Тель-Авиве, например, открылся только в 1971 году. А эти работы попали в тогда еще совсем молодое государство. Обе работы написаны за рубежом — репинский в Финляндии, серовский в Биаррице, в одном году — 1910-м, в России практически не были известны. Теперь стало понятно, почему. Изображенные на портретах были тесно связаны с лидерами сионистского движения. Задача состояла только в том, чтобы безопасно доставить портреты в Израиль или продать их как можно дороже, и она была успешно выполнена.

На этом историю можно заканчивать. К счастью, все ее участники в результате остались довольны — еврейская община получила обратно свои ценности, художники написали прекрасные портреты, мы с вами можем наслаждаться винами "Крикова", а я в ходе исследования узнал очень много новой и интересной информации, которой спешу поделиться. Я понял, что за рядовыми, на первый взгляд, событиями часто стоят чьи-то совершенно не рядовые интересы и замыслы.

Я буду очень рад, если позднейшие исследователи прольют дополнительный свет на эту историю и откроют еще не изученные факты.

Краткая историческая справка

Из газеты "Одесский листок" от 14 июня 1898 года: "Известный русский художник, творец "Бурлаков" профессор И.Е. Репин прибыл из С-Петербурга в Одессу и на пароходе "Рapid" отправляется в Константинополь, и оттуда в Палестину, где будет писать этюды для большой картины "Искушение Христа". ...У Репина в купе украли большую сумму денег и саквояж".

Также об этом писал "Новороссийский Телеграф".

Картина И.Е. Репина "Иди за мною, сатано", — произведение долго стояло в мастерской Репина. Закончена в 1903 году. В письме к Т.Л. Толстой от 27.10.1891 года Репин писал: "Я в последнее время работал над Христом в пустыне, во время поста, — давно уже начатая вещь". Для изображения пейзажа с его широкими дальними планами Репин в 1898 году ездил в Палестину. Об этой поездке он всегда говорил очень кратко, и о ней сохранилось мало сведений (Из книги О. Лясковской "Илья Ефимович Репин", М., 1962 г.).

Первая алия — первая большая волна современной иммиграции в Палестину, известная как Первая алия, началась в 1882 году, когда евреи были вынуждены спасаться бегством от еврейских погромов в Восточной Европе. С 1882 года по 1903 год в Палестину, тогда провинцию Османской империи, переселилось около 35 тысяч евреев. Большинство из них принадлежало к палестинофильским движениям "Ховевей Цион" ("Любящие Сион") и "Билу" и прибыло из Восточной Европы (главным образом, Российской империи); небольшое число прибыло также из Йемена. По большей части это были ортодоксальные евреи.

Поселенцы испытывали множество затруднений: нехватка средств, тяжелые природные условия, недостаток соответствующего сельскохозяйственного опыта, болезни и т. п. В разрешении этих затруднений большую роль сыграл барон Эдмон де Ротшильд, взявший несколько основанных городов под свою опеку и помогавший поселенцам финансами и специалистами.

Большая часть репатриантов осела в городах, главным образом, в Иерусалиме и Яффо, и лишь около четвертой части из них занялись сельским хозяйством. Несмотря на многочисленные трудности, именно эти первопроходцы заложили основы поселенчества в стране и основали сельскохозяйственные населенные пункты. Среди городов, основанных в это период, — Петах-Тиква, Ришон-ле-Цион, Реховот, Рош-Пина и Зихрон-Яаков.

"Ховевей Цион" — Леон Пинскер (врач, писатель, общественный деятель) вместе с Мозесом Лиленблумом основали движение "Ховевей Цион", которое сменило движение "билуцев" ("Билу") — первых энтузиастов заселения евреями Эрец-Исраэль. Начавшись в Харькове, оно сместилось в 1882-м в Одессу, откуда несколько десятков молодых идеалистов отправились в Палестину.

Первый опыт, неудачный из-за тяжелых условий Палестины, однако, вдохновил и стимулировал деятельность "Ховевей Цион", которое после

долгих и тяжелых хлопот было легализовано петербургскими властями под названием "Общество вспомоществования евреям-земледельцам и ремесленникам Сирии и Палестины". Первая и единственная в России официальная палестинофильская организация, она открылась в апреле 1890 г. в доме своего первого председателя Л. Пинскера.

Палестинофильское общество собирало деньги на покупку земли в Палестине, отправляло эмигрантов, обучало их. В обществе работали известные сионисты М. Усышкин, И. Клаузнер, Ахад ха-Ам, Д. Пасманик. Миша Дизенгоф, в 1885-м арестованный за участие в русской революционной организации "Народная воля", после одесской тюрьмы стал активистом "Ховевей Цион"; позднее, в Палестине, он уже не Михаил, а Меир — с 1921-го первый мэр Тель-Авива.

Крикова — Впервые город Крикова был письменно упомянут 31.07.1431 года под названием Вадул-Петрей. Город получил известность благодаря комбинату игристых и марочных вин "Крикова" — единственному в Молдавии и одному из немногих на территории бывшего СССР предприятию, вырабатывающему игристые вина методом классической шампанизации. Помимо игристых вин предприятие выпускает большой ассортимент качественных ординарных и марочных виноградных вин, вызревающих в подвалах общей протяженностью 60 км. Коллекция вин "Крикова" насчитывает более миллиона бутылок — не только молдавских, но и уникальных испанских, итальянских, французских вин, а также образцы виноделия многих других стран. Утверждается, что в криковских подвалах хранится вино из коллекции Германа Геринга, поступившее туда после окончания Великой Отечественной войны. Самый первый образец вина датируется 1902 годом.

